

Глава 12. Октябрьская революция и историческая наука (1917 год – начало 1930-х гг.)¹

12.1. Марксистская историография в 1920-е гг.

Политическая власть и историческая наука

По мере того, как партия большевиков все больше срачивалась с государственной системой, идеологическая работа превращалась в общегосударственную задачу, а историческая наука стала рассматриваться в качестве инструмента государственной политики. Правящая партия не только формировала организационные структуры исторической науки и определяла ее кадровый состав, но и оценивала содержание исследовательских программ. С начала 1920-х гг. в научную жизнь прочно вошла практика издания тезисов Агитпропа ЦК, содержащих обязательные для научной общественности оценки узловых событий.

Коммунистическому режиму требовались историки, для которых политическая целесообразность была критерием более значимым, нежели историческая истина. У истоков этой традиции стоял М.Н. Покровский, немало сделавший для того, чтобы из исторической науки и из страны были удалены все, для которых интересы науки оказывались ценнее партийных установок. С 1918-г. он возглавлял Государственный ученый совет Наркомпроса и Социалистическую академию, Институт Красной профессуры и Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук, Центрархив и Истпарт, редактировал журнал «Красный архив» и был председателем Общества историков-марксистов. После разгрома «старой» науки исчез сам принцип существования школ в историческом сообществе. Историкам оставалось только распределиться по

¹ Опубликовано: Орлов И.Б. Глава 12. Октябрьская революция и историческая наука (1917 год – начало 1930-х гг.) // *Историография истории России: учеб. пособие / Отв. ред. В.Н. Захаров. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 193-220.*

проблемно-хронологическому принципу и сгруппироваться вокруг наиболее влиятельных фигур в исторической науке.

Становление официальной марксистской историографии. Термин «советская историография» в целом отражает принадлежность этого направления исторического знания к определенной идеологии - марксизму-ленинизму. Рассматриваемый этап (1917 г. – начало 1930-х гг.) Был периодом становления советской историографии, для которого характерно:

- Противоборство марксистского и немарксистского направлений в историографии, итогом которого стало вытеснение историков «старой школы»;
- Кардинальное преобразование организационных основ исторического знания;
- Подготовка историков-марксистов и их консолидация;
- Складывание новой проблематики и перемещение исследовательского интереса в сферу социально-экономических отношений, классовой борьбы и революционных движений;
- Начало утверждения культа личности И.В. Сталина и первые репрессии против историков.

Марксистско-ленинская историография превратилась в главенствующее, а затем единственное направление в советской исторической науке. В свою очередь, внутри исторической отрасли организационно выделились два основных направления - история партии и история РСФСР (СССР). При этом именно историко-партийное направление призвано было создать марксистскую версию истории России.

Начало становления официальной марксистской историографии принято отсчитывать с решения Совнаркома РСФСР от 25 мая 1918 г. О переводе и издании материалистической и, прежде всего, марксистской литературы. В этом же году были выпущены первая популярная биография В.И. Ленина и работа Ю.О. Мартова «История российской социал-демократии». В 1918-1922 гг. было предпринято издание собрания сочинений

К. Маркса и Ф. Энгельса под редакцией И.И. Скворцова-Степанова, а в апреле 1920 г. IX съезд партии принял резолюцию об издании Полного собрания сочинений Ленина. С 1921 г. начал выходить и первый марксистский журнал «Пролетарская революция». Постепенно складывается историческая «лениниана».

1924 год - год смерти Ленина - породил масштабный поток литературы о нем. Причем работы о Ленине, в известном смысле, стали типологическими. В дальнейшем по этим отработанным схемам стали писаться биографии Сталина и других политических деятелей. Все более широкое развитие стала получать публикация заказных исторических работ к юбилеям революции, съездов партии, партийных и государственных деятелей.

Марксистская теория внедрялась и укреплялась в немалой степени административными способами при политической поддержке правящей партии. Это выразилось, прежде всего, в создании в 1918-1924 гг. организационных структур советской исторической науки для решения проблемы подготовки новых кадров.

Создание марксистских научных учреждений. Поскольку среди действующих российских ученых обнаружилось совсем немного сторонников марксизма, было принято решение о создании параллельных с академическими структурами научных марксистских центров. Так, 25 мая 1918 г. СНК РСФСР утвердил проект постановления об организации Социалистической академии общественных наук, а ровно через месяц последовал написанный В.И. Лениным правительственный декрет об организации Академии и учреждении в ее составе социально-исторического отделения. Основными целями Соцакадемии (в 1924 г. переименованной в Коммунистическую) стали выпуск марксистской литературы, проведение ряда социальных исследований и концентрация деятелей марксистского направления.

В 1920 г. решением ЦК партии на базе Социалистической академии создается музей по истории марксизма, в январе следующего года выделенный в самостоятельный Институт К. Маркса и Ф. Энгельса с целью организации научно-исследовательской работы в области марксизма. С 1924 г. начался выпуск Архива К. Маркса и Ф. Энгельса, а с 1928 г. - многотомного собрания их сочинений. Особое внимание уделялось собиранию, изучению и изданию работ В.И. Ленина. В этих целях 31 марта 1923 г. X московская городская партконференция приняла резолюцию об учреждении в Москве Института В.И. Ленина, торжественное открытие которого состоялось уже после смерти вождя - в мае 1924 г.

В сентябре 1920 г. постановлением СНК РСФСР при Наркомпросе была организована Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Российской коммунистической партии (Истпарт) во главе с известным партийным журналистом и историком М.С. Ольминским, которая монополизировала дело сохранения, обработки и издания документов истории революции и партии. С 1 декабря 1921 г. Истпарт, филиалы которого охватили своей сетью всю страну, перевели из ведения Наркомпроса в партийное ведомство на правах отдела ЦК РКП(б). Тем самым он превратился в ведущий центр историко-партийных исследований, а по количеству изданных исторических материалов занял первое место среди вновь созданных научных учреждений. 10 мая 1928 г. Решением ЦК партии Истпарт был объединен с Институтом В.И. Ленина, а 3 ноября 1931 г. Президиум ЦИК СССР объединил институты Ленина, Маркса и Энгельса в единый ИМЭЛ при ЦК ВКП(б).

В феврале 1921 г. по инициативе партийных органов было декретировано образование Института красной профессуры (ИКП), призванного осуществлять подготовку преподавателей высшей школы по общественным наукам, и, прежде всего, по истории и историческому материализму. Позднее, характеризуя задачи красной профессуры, М.Н. Покровский отмечал: «Институт красной профессуры возник в 1921 г. как

одно из орудий нашей партии на идеологическом фронте». ИКП стал не только высшим учебным заведением нового типа, но и марксистским научным центром. За первые 10 лет существования в нем было подготовлено около 800 работ по истории и более 100 ученых-историков, среди которых были будущие академики И.И. Минц, М.В. Нечкина и А.М. Панкратова.

Обучение в ИКП было своеобразным: лекции и экзамены отсутствовали, зато были семинарские занятия, на которых обсуждались подготовленные слушателями доклады. Для будущих историков проводилось по два семинара на первом и втором курсах. Историографический семинар вел М.Н. Покровский. Уже со второй половины 1920-х гг. слушатели семинара Покровского начали активно выступать в марксистских периодических изданиях с историческими и историографическими статьями, как правило, солидаризируясь с взглядами своего учителя. Особенно показательны в этом плане издания в 1927 и 1930 гг. двух частей сборника «Русская историческая литература в классовом освещении», в основу которого были положены рефераты слушателей семинара.

Реорганизацию общественных наук, в том числе и истории, идеологически были призваны обеспечить многочисленные марксистские и историко-революционные общества - центры изучения и популяризации революционного прошлого России. Так, в Петрограде в декабре 1919 г. были созданы Научное общество марксистов и Общество изучения истории освободительного и революционного движения в России. Тогда же было принято решение организовать Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев со своим журналом «Каторга и ссылка». Оно объединило в своих рядах не только ученых-марксистов, но и других гуманитариев революционной (прежде всего, неонароднической) ориентации.

Важным шагом на пути консолидации историков-марксистов стало создание при Коммунистической академии в 1925 г. Общества историков-марксистов под председательством М.Н. Покровского и издание специального научно-популярного журнала «Историк-марксист». А в апреле

1926 г. при Обществе была образована социологическая секция для разработки проблем методологии и периодизации истории.

Высшее историческое образование. В условиях становления советской исторической науки наблюдалось и активное формирование ее новых образовательных структур. Партийное руководство справедливо полагало, что для выполнения идеологической задачи потенциал дореволюционной исторической науки не может быть использован. Поэтому уже в 1919 г. началась фронтальная перестройка исторического образования. Так, 3 марта 1919 г. решением Наркомпроса РСФСР историко-филологические и юридические факультеты Московского и Петроградского университетов (а затем и других вузов страны) были преобразованы в факультеты общественных наук (фоны) с трехгодичным сроком обучения. Хотя фоны по структуре учебных планов и характеру преподавания больше напоминали старые истфаки, курсы и семинары носили фрагментарный характер и не давали систематических знаний ни по отечественной, ни по всемирной истории.

Партийные органы пытались усилить марксистское ядро преподавателей фонов. По решению ЦК РКП(б) на преподавательскую работу были направлены известные партийные деятели (А.В. Луначарский, П.Н. Лепешинский, В.В. Адоратский, Д.И. Курский и др.), а с 1922 г. были введены так называемые «ударные курсы», которые читали историки-марксисты или партийные деятели. Однако с 1922 г. из-за недостатка преподавательских сил фоны в ряде университетов страны были закрыты и оставлены только в четырех: Московском, Петроградском, Саратовском и Ростовском. А в 1924 г. постановлением комиссии Оргбюро ЦК РКП(б) было решено прекратить прием на фоны с 1924/25 учебного года и в течение двух лет завершить их ликвидацию. В 1925 г. в МГУ на базе трех отделений фона был создан этнологический факультет с историко-археологическим, этнографическим, литературным отделениями и отделением изобразительных искусств. На основе фона был также создан факультет

языкознания и материальной культуры Ленинградского университета с этнографическим отделением и отделением истории материальной культуры. Академик Б.А. Рыбаков, учившийся в Московском университете во второй половине 1920-х гг. вспоминал, что студенты не интересовались древней историей и археологией. Это считалось «бегством от современности», поэтому преподавание истории начиналось с декабристов. При этом часто упоминали крестьянские войны Степана Разина и Емельяна Пугачева в качестве предшественников движения декабристов.

В целом вузовское преподавание истории в 1920-е годы опиралось на партийные установки, озвученные наркомом просвещения А.В. Луначарским. По его мнению, должно быть отброшено преподавание истории как с точки зрения идей эволюционного развития, так и в целях воспитания национальной гордости и национального чувства. В силу этого история как самостоятельная дисциплина исчезла из учебных планов высшей школы.

Так как проведенная реорганизация университетского исторического образования не решила проблемы подготовки историков-марксистов, ставка была сделана на создание специальных учебных заведений. Первым таким вузом стал Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, организованный в Москве в 1919 году.

«Большевизация» в среде историков. Сложившиеся до революции пропагандистские кадры большевиков были немногочисленны, а профессиональных историков среди них насчитывались единицы. Тогда как дореволюционная российская школа, как уже говорилось в предыдущих главах, занимала достойное место в европейском историографическом процессе. Поэтому был взят курс на большевизацию всех учреждений, где работали старые специалисты.

Мероприятия в области реформирования высшей школы, по организации новых марксистских исследовательских и учебных центров, созданию всевозможных научных обществ дополнялись открытием новых

марксистских изданий, которые пропагандировали большевистские идеологические установки. Наиболее заметными здесь были «Вестник агитации и пропаганды», «Печать и революция», «Пролетарская революция» и «Красный архив», находившиеся под жестким контролем партийных органов.

В 1928 г. на юбилейных торжествах в связи со своим 60-летием Покровский прямо заявил, что скоро «немыслима будет никакая история, кроме марксистской». На проходившей в конце 1928 - начале 1929 гг. I Всесоюзной конференции историков-марксистов «красный профессор» безапелляционно заявил: «Мы - историки-марксисты ... Являемся одним из отрядов ленинской армии, и положением фронта объясняются в целом и наши задачи».

Марксизм в большевистской интерпретации. Покровский одним из первых сформулировал задачу изучения марксистско-ленинской теории как основы для обогащения и совершенствования методологии исторического и историографического исследования. В качестве «маленького пособия для первоначальной ориентировки при чтении основных немарксистских или не совсем марксистских книжек по русской истории» им были изданы прочитанные в 1923 году лекции «Борьба классов и русская историческая литература». Эта работа стала первым относительно полным изложением марксистских взглядов на развитие отечественной исторической науки. Кроме того, историческому сообществу была предложена методология историографического исследования, исходным положением которой являлся тезис, что «всякое историческое произведение есть, прежде всего, образчик известной идеологии».

Во второй половине 1920-х гг. в ответ на решения XIII съезда РКП(б) вместе со слушателями своего семинара Покровский активно включился в процесс «овладения ленинским теоретическим наследием». В результате в 1926-1931 гг. на свет появилась целая серия статей об исторических взглядах К. Маркса и В.И. Ленина. Более того, во второй половине 1920-х «овладение

ленинизмом», особенно в свете внутривнутрипартийной борьбы, стало стержневой идеей почти всех проходивших дискуссий.

В трудах Покровского была предпринята попытка противопоставить новую марксистскую историографию старой - «дворянско-буржуазной». В своей работе «Историческая наука и борьба классов» он прямо указал на отсутствие вне марксизма «другой исторической науки». Разработка теории марксизма и ленинизма подчас подменялась «проработкой» тех или иных ученых и кампаниями по поиску «врагов» среди, прежде всего, историков «старой» школы.

Принимая марксизм в качестве ключевого параметра оценки исторических исследований, историки-марксисты, в первую очередь, стремились выделить критерии соответствия марксизму научных работ. «Очевидные» признаки соответствия марксизму были сведены до специфической терминологии и употребления цитат классиков марксизма. Параллельно шел процесс формирования системы шаблонов в оценке враждебных марксизму взглядов – «идеализм», «субъективизм», «эклектизм» и т.п.

Учение об общественно-экономических формациях. Из общих идеологических установок проистекали соответствующая историографическая проблематика и новый язык советской исторической науки. К непеременимым элементам исторической концепции относилось рассмотрение явлений сквозь призму формационной структуры общества - первобытнообщинной формации, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической. В основе взглядов историков-марксистов лежали положения исторического материализма, предусматривавшего приоритет материальных условий жизни общества над духовными и зависимость надстроечных явлений от базисных.

Связь характера классовой борьбы с уровнем экономического развития общества толкала марксистских историографов к объяснению смены этапов развития исторической науки исходя из смены господствующих

экономических укладов. Этот своеобразный экономический детерминизм особенно ярко проявился в творчестве Покровского, для которого даже конъюнктурные колебания промышленного развития оказывали решающее влияние на идеологическую жизнь общества. В частности, бурный промышленный подъем 1880-1990-х годов должен был дать новую идеологию, которой и стал марксизм.

Хотя в 1920-е годы историки отмежевывались от «крайних» исторических материалистов, пытавшихся все в жизни общества объяснить экономическим фактором, использование в качестве признака соответствия марксизму понятия «общественно-экономическая формация» не вызывало сомнений. Стремление к безусловному делению общественного развития на формационные этапы, кроме научных задач, преследовало определенные идеологические цели - доказать, что общественное развитие неумолимо двигалось к пролетарской революции.

Классовый принцип познания общественных явлений. Центральным звеном марксистской исторической концепции стало положение о примате классового похода в объяснении как исторического процесса в целом, так и развития представлений о прошлом. Формула обострения классовой борьбы была крайне удобна не только в силу своей простоты и доступности, но и благодаря заложенной в ней возможности рассматривать явления в динамике.

Использование понятий «класс» и «классовая борьба» стали еще одним критерием определения соответствия марксизму исторических исследований. Однако признание классового характера науки неизбежно вело к отождествлению объективности с пролетарской позицией, а стремление к объективному подходу в исследовании со стороны немарксистов третирувалось как «буржуазный объективизм».

Первые опыты освоения национальной истории с марксистских позиций. Теория «торгового капитализма» М.Н. Покровского

Покровский, стремясь определить этапы развития истории русского народа в тесной связи со сменой общественно-экономических укладов, еще до революции выделил «торговый капитализм» в особую экономическую формацию. Вначале он отводил торговому капитализму ограниченную роль, говоря только о «набеге» торгового капитализма. Но в «Очерках истории русской культуры» (1915-1918 гг.) торговый капитализм уже рассматривался Покровским как важнейший двигатель русского исторического процесса. Он датировался историком XVII-XIX вв., но зачатки торгового капитализма Покровский отыскивал еще в Киевской Руси. По его мнению, торговый капитал сложился еще в новгородско-московские времена на вывозе предметов роскоши, а процесс постепенного охвата торговлей все большего числа районов способствовал превращению купца в настоящего хозяина товара. Более того, объединение Руси вокруг Москвы было, по его мнению, также делом «надвигающегося торгового капитализма». Да и само государство Романовых было создано сочетанием двух сил, воплощением которых было, с одной стороны, крепостное имение, с другой – купеческий капитал. В силу этого государство первых Романовых Покровский назвал «торговым капиталом в мономаховой шапке», а помещиков именовал «агентами торгового капитала».

Согласно схеме Покровского, русский торговый капитал окончательно развился на постоянно увеличивавшемся хлебном вывозе XIX века. В свою очередь, торговый капитализм стал необходимым условием возникновения промышленного капитала. Николаевское царствование, по мнению историка, было промежуточным этапом, когда промышленный капитал был уже налицо и боролся за власть с торговым, но последний пока был «настолько силен, что не шел ни на одну явную уступку». Покровский считал, что торговый капитал в основном действовал методами внеэкономического принуждения, в силу чего нуждался в крепостнической системе и самодержавии. Поэтому освобождение крестьян в 1861 г. историк трактовал как своеобразную сделку между торговым и промышленным капиталом.

Органами господства торгового капитала в политической сфере выступали самодержавие и бюрократия, а после образования политических партий его интересы представляли октябристы.

Впоследствии, в начале 1930-х гг., Покровский признал несостоятельным само выражение «торговый капитализм». В частности, в 1931 г. в статье «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России» он прямо отказался от своей концепции торгового капитала: «Капитализм система производства, а торговый капитал ничего не производит».

«Русская история в самом сжатом очерке». Безусловно, теория торгового капитализма стала одной из самых показательных особенностей творчества Покровского. Но он пунктирно наметил и ряд новых проблем, ставших магистральными для советской историографии. В 1920 г. вышли в свет начальные части первой после революции книги М.Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке». Одобренная Лениным, до середины 1930-х гг. книга оставалась главным официальным пособием по российской истории. С учетом изданной позднее третьей части труда, доведенной до Первой мировой войны, можно смело сказать, что М.Н. Покровский стоял у истоков разработки новой проблематики советской исторической науки: истории классовой борьбы в России и пролетарского революционного движения, большевизма и российских революций. Иллюстрацией перечисленных тезисов может служить авторская концепция революционного движения. Так, Смутное время историк считал крестьянской революцией, крестьянскую войну Пугачева называл ранней буржуазной революцией, восстание декабристов - буржуазной революцией, революционное движение эпохи крепостного права - народнической революцией, а Февраль 1917 г. - социалистической революцией с наличием диктатуры пролетариата.

Л.Д. Троцкий об истории России и полемика вокруг его книги «Уроки Октября». Историческая концепция Троцкого стала обоснованием

его теории перманентной революции, легла в основу видения им перспектив развития России и повлияла на характер его общественной деятельности. Еще в годы первой русской революции Троцкий утверждал, что буржуазная революция непосредственно перейдет в социалистическую. Осенью 1924 г. Троцкий в работе «Уроки Октября» озвучил идею, согласно которой русский пролетариат, став у власти, не сможет построить национальное социалистическое общество только своими силами. От русской искры должно будет разгореться пламя европейской, а затем и мировой революции, которая может в свою очередь спасти и завоевания революции в России.

«Уроки Октября» вызвали на страницах журнала «Большевик» в январе 1925 г. бурную дискуссию о союзе рабочего класса и крестьянства после победы Октябрьской революции. После январского пленума ЦК РКП(б) 1925 г., который осудил троцкистскую интерпретацию Октябрьской революции как фальсификацию и ревизию большевизма, историки и политические деятели неоднократно выступали в журналах «Большевик», «Пролетарская революция», «Красная летопись» и других с разбором позиций Троцкого и обоснованием ленинского понимания истории этой революции. Советские историки стремились, прежде всего, опровергнуть тезис о незрелости и отсталости России, о ее неготовности к революции.

Что касается истории первой русской революции, то здесь пафос был направлен против положений Троцкого о советах как органах самоуправления и прообразе рабочей партии. Историками-марксистами отстаивалось ленинское положение о советах как органах восстания и революционной власти. В дискуссии о Февральской революции прослеживалась та же линия: отвергались взгляды Троцкого на Советы как пример перескакивания через этап буржуазно-демократической революции непосредственно к революции социалистической. Неопределенность термина «троцкизм» и его негативный окрас вели к тому, что обвинение в троцкизме превратилось в один из мощных инструментов давления не только в политике, но и в науке.

Проблематика исследований. В 1920-е годы первостепенное внимание уделялось изучению новой истории России (более 40% всех исследований), то есть налицо было неравномерное изучение дореволюционной отечественной истории. В центре находилось изучение проблем классовой борьбы, но при этом отмечен и высокий удельный вес работ по архивному делу. Характерной чертой советской историографии стало написание коллективных работ, что позволило создать многотомные труды по истории СССР, гражданской войны, рабочего класса и крестьянства. Однако приоритетным направлением исследования отечественной истории нового времени стало изучение русского освободительного движения.

Исторические дискуссии 1920-х годов. Первые дискуссии больше напоминали революционные диспуты внутри марксистского крыла историографии. Об устойчивой тенденции к идеологизации исторической науки свидетельствует научная дискуссия об особенностях русского исторического процесса и природе русского самодержавия, состоявшаяся в 1922 году. Активное участие в ней приняли историки-марксисты. Цель дискуссии заключалась в том, чтобы нанести удар по концепциям «старой» (именовавшейся буржуазной) науки, а также по историческим воззрениям историков-меньшевиков и эсеров.

На исходе 1923 г., с началом подготовки к 100-летию юбилею восстания декабристов, в советской исторической литературе вспыхнула острая дискуссия о сущности этого движения. Дискуссия началась после появления в декабре в газете «Рабочая Москва» статьи М.С. Ольминского «Две годовщины», в которой движение декабристов характеризовалось как «движение дворян-землевладельцев», которые обманом увлекли солдат на Сенатскую площадь, а затем предательски покинули их. Однако в защиту декабристов выступил М.Н. Покровский, который писал о них как о «настоящих революционерах и революционных демократах», и чуть ли не предшественниках большевиков.

В 1926 г. исторические дискуссии затронули и проблему роли национальных движений в истории России. Объектом дискуссии стал доклад А.В. Шестакова «Спорные вопросы восстания в Средней Азии в 1916 г.». По существу, дискуссия стала первой пробой сил историков-марксистов в стремлении определить взаимные интересы народов разных наций в борьбе за общее революционное дело. Но одновременно началось искажения истории присоединения отдельных народов к Российской империи. В частности, М.Н. Покровский создал внутренне противоречивую концепцию истории присоединения Средней Азии к России. Экспансионистские устремления царского правительства в Средней Азии, по мнению исследователя, были вызваны воинствующим характером русского капитализма, которому приходилось завоевывать азиатские рынки. В целом же «школа Покровского» считала расширение территории России за счет окраин «абсолютным злом».

Первое полугодие 1928 г. стало периодом активного обращения отечественных историков к оценке творчества Н.Г. Чернышевского, формальным поводом чего явилось 100-летие со дня его рождения. Поводом к дискуссии послужила серия работ Ю.М. Стеклова о Чернышевском, в которых он характеризовал первого российского революционного демократа как предтечу К. Маркса, Ф. Энгельса и «революционного коммунизма». Оппоненты Стеклова, тон высказываний которых задавал Покровский, определяли Чернышевского как крестьянского революционера и революционного демократа и напоминали о выводах Плеханова, что Чернышевский в истории был идеалистом. Вызывали неприятие со стороны историков-марксистов и утверждения Чернышевского о том, что пролетариат и его борьба с буржуазией не являются необходимыми для социалистического переворота.

К данной дискуссии непосредственно примыкала другая - о личности и деятельности М.А. Бакунина, проходившая в традиционном русле интереса к революционному движению в России. Здесь против Ю.М. Стеклова,

подтягивавшего Бакунина к родоначальникам российского коммунизма, на страницах журналов «Историк-марксист» и «Печать и революция» выступила группа историков, в том числе Е.А. Мороховец, В.П. Полонский и другие. Тогда же прошла и короткая дискуссия о С.Г. Нечаеве, участники которой отвергли взгляд на него как на предшественника большевиков, а также осудили попытки оправдать революционную практику Нечаева.

Дальнейшее развитие этой линии принес 1929 год, когда в Обществе историков-марксистов, на страницах ряда журналов и центральных газет состоялась дискуссия о «Народной воле», приуроченная к 50-летию организации. Открыла дискуссию статья И.А. Теодоровича «Историческое значение партии “Народная воля”», опубликованная в юбилейном номере журнала «Каторга и ссылка». Автор отверг подход к народничеству как узко интеллигентской организации, а также определение Покровского «Народной воли» как буржуазно-либерального движения. Впрочем, Теодорович не соглашался и с меньшевиками, отрицавшими революционно-демократическое содержание народничества. Итогом дискуссии стали тезисы о «Народной воле», подготовленные Отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП(б), в которых данное движение характеризовалось как революционно-демократическое течение, а все другие мнения причислялись к «правому уклону».

На рубеже 1920-1930-х гг. в советской исторической науке активно дискутировались также проблемы истории российской социал-демократии. «Историк-марксист» взял под защиту Плеханова, отрицая позицию, согласно которой пальма первенства в становлении русской социал-демократии отдавалась Д. Благоеву. По мнению видного партийного публициста В.И. Невского, опасность заключалась в сближении ленинизма с народничеством, к которому тяготел Благоев. В связи с публикацией постановлений ЦК ВКП(б) о праздновании 30-летия I съезда и 25-летия II съезда РСДРП состоялась дискуссия об историческом значении I съезда, развернувшаяся в сторону критики роли I съезда и возвеличивания II съезда, давшего начало

большевизму. Тем самым история освободительного движения выстраивалась в единую цепь, наиболее значительным и решающим звеном которой представлялся большевизм. Подтверждением тому служила дискуссия в связи с 45-летием группы «Освобождение труда» и 10-летием со дня смерти Г.В. Плеханова. Именно тогда в журнале «Пролетарская революция» появились публикации о наличии меньшевистских тенденций в деятельности Плеханова и его группы.

Главной же темой дискуссий второй половины 1920-х гг. по-прежнему оставалась история Октябрьской революции. И здесь на первых порах советские историки решали не столько научные, сколько идеологические задачи, прежде всего, критики антимарксистских течений и борьбы с эмигрантской историографией. М.Н. Покровский, например, обрушивался на кадетскую интерпретацию революции, а С.Г. Томсинский - на эмигрантские трактовки в различных их проявлениях.

В этой связи со второй половины 1920-х гг. историки все чаще обращаются к трактовке вопросов формационного развития общества и характеристике отдельных формаций. В 1929 г. в ИКП и в Обществе историков-марксистов прошла дискуссия по книге С.М. Дубровского «К вопросу о сущности “азиатского способа производства”, феодализма, крепостничества и торгового капитала», автор которой выступил против представления об особом «азиатском» способе производства. Ратуя за универсальный характер общественно-экономических формаций, больше всего внимания Дубровский уделил феодализму и крепостничеству как особым формам производственных отношений, выступив, по существу, против известной теории «торгового капитала». В трактовке «азиатского» способа производства Дубровского поддержали, но положение о крепостном строе как общественно-экономической формации подверглось критике.

Можно констатировать, что после дискуссий первой половины 1920-х гг., которые, прежде всего, помогли сформироваться марксистскому направлению в советской исторической науке и способствовали

идеологическому и политическому подавлению представителей старой дореволюционной науки, дискуссии второй половины десятилетия носили иной характер. Как и прежние, они были вызваны требованиями полного подчинения исторической науки идеологии. Однако характерной особенностью дискуссий этого периода стало стремление отождествлять такие понятия, как немарксизм и антимарксизм. Труды ученых, ранее оцениваемые как близкие марксизму, в конце 1920-х годов все чаще относились к категории маскирующих антимарксизм.

Однако неправильным было бы считать, что исторические дискуссии не несли в себе ничего, кроме набора идеологических догм. Несмотря ни на что, шло накопление научных знаний в тех областях исторической науки, которые ранее либо разрабатывались слабо, либо не разрабатывались вовсе. В ходе дискуссий 1920-1930-х гг., опиравшихся на активно ведущиеся разработки истории России, марксистами были подняты совершенно новые исследовательские пласты, и в первую очередь, относящиеся к истории общественной мысли и социальных движений в России. Наряду с абсолютизацией формационных критериев историки вовлекали в орбиту споров большой конкретно-исторический материал по истории крестьянского и помещичьего хозяйства, мануфактуры, финансового капитала, роли иностранных инвестиций в формировании социально-экономического и политического облика страны. Ситуация резко изменилась в 1931 г. после публикации письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в журнале «Пролетарская революция».

«Национальная» и «денациональная» трактовка российского империализма. Еще в середине 1920-х гг. М.Н. Покровский и А.Н. Слепков развернули спор о социально-экономических истоках таких явлений, как Первая мировая война, развитие капитализма в России и эволюция самодержавия в XX веке. Слепков, в частности, обращал внимание на перерастание промышленного капитала в финансовый и появление в России монополистического капитализма. Дискуссия вышла на новый виток после

издания в 1925-1926 гг. книг Н.Н. Ванага и С.Л. Ронина, посвященных проблемам истории финансового капитала в России. Ванаг и Ронин выступили против меньшевистских историков, отрицавших наличие финансового капитала в России, а значит, и базы для социалистической революции. Вместе с тем они отдавали пальму первенства в развитии этого социально-экономического феномена иностранному капиталу. Такая точка зрения на «денационализацию» отечественного капитализма, поддержанная также Л.Н. Крицманом и М. Гольманом, сразу же оказалась в центре идеологической борьбы, так как выводила на вопрос о способности России к свершению цивилизационных социально-экономических и политических перемен. Тезис Гольмана о «дочернем» происхождении русского империализма, о полуколониальном положении России по отношению к странам Запада в условиях ожесточенных идеологических битв в партии был чреват далеко идущими политическими выводами. Ведь если нет полнокровного и самостоятельного российского империализма, то страна не готова (согласно Ленину) к социалистическим преобразованиям.

Покровский поддержал Ванага и Ронина, но выпускники его семинара в ИКП А.Л. Сидоров и Е.Л. Грановский, а также Г.В. Цыперович и И.Ф. Гиндин выступили в изучении империализма с позиций «национальной» школы, акцентируя внимание на том, что в России складывалась самостоятельная система монополистического капитализма. Для доказательства своих выводов молодые историки привлекли к анализу широкий, ранее не исследованный конкретно-исторический, в том числе архивный, материал.

Следующий этап дискуссии пришелся на 1929 г. в связи с обсуждением этих вопросов на Всесоюзной конференции историков-марксистов и публикацией в журнале «Историк-марксист» статей Н.Н. Ванага «К методологии изучения финансового капитала в России» и И.Ф. Гиндина «К спорным вопросам истории финансового капитала в России», а также других

материалов. В ходе обмена мнениями Ванаг отошел от крайностей концепции «денационализации», а сторонники «национальной» школы стали, в свою очередь, говорить о взаимопроникновении «национальных» и «иностранных» процессов в развитии российского империализма.

Дискуссия переросла в новую, более широкую по своим подходам, - о двух путях развития капитализма в России и необходимости рассмотрения истории финансового капитала в России в тесной связи с общими процессами развития капитализма в стране. Ванаг, в частности, утверждал, что вся история России 1861-1917 гг. есть история борьбы двух путей развития капитализма в России. Над ним навис «дамоклов меч» идеологического остракизма, поэтому он покаялся и признал верными положения своих оппонентов. А в итоге этих обсуждений сложилась восходящая к Ленину формула о «среднем уровне» развития капитализма в России.

12.2. Судьба немарксистской историографии

Двадцатые годы в отечественной традиции получили наименование «золотого века краеведения». С другой стороны, историко-научное сообщество, лишенное привычной среды обитания и общения, старалось сохранить их на неформальном уровне и, прежде всего, в виде научных кружков. Деятельность ученых сконцентрировалась на следующих основных направлениях: спасение государственных архивов, подготовка научных изданий и приобщение к науке и культуре новых групп населения.

Научные и педагогические учреждения. Центром интеллектуальной оппозиции была Академия наук, члены которой прилагали все усилия, чтобы в новой общественно-политической обстановке сохранить научные традиции. Не удивительно, что Академия наук с ее академической вольностью стала чужеродным элементом в советской системе. Конечно, ее можно было ликвидировать, но новый режим усмотрел возможность превращения этого научного учреждения в орган контроля над чистотой

науки. Кроме того, подобное положение позволяло новой власти сохранять лицо и выступать поборником развития науки.

Но уже к 1925 г. власть сумела существенно реорганизовать Академию наук, внедрив в ее состав чисто марксистские структуры. В связи с 200-летием в 1925 г. она получила статус высшего научного заведения страны и новое название - Академия наук СССР. А уже в 1927 г. Покровский написал записку, обосновывавшую необходимость реорганизации гуманитарного отделения Академии и лишения ее автономии. Подводя итоги I всесоюзной конференции историков-марксистов, Покровский писал о «научном кладбище» и «запахе тлена», идущем от остатков школы Ключевского. В связи с этим он ставил вопрос о создании «марксистского научно-исследовательского института истории» силами сотрудников Коммунистической академии.

VI Международный конгресс историков в августе 1928 г. стал последним «выездным» для историков «старой» школы, а после конгресса началось их отстранение от участия в международной научной жизни. Весной 1929 г. Покровский прямо призвал «переходить в наступление на всех научных фронтах». Почти сразу же выяснилось, что не все вновь избранные академики-коммунисты склонны поддерживать Покровского в его намерении разрушить традиционную практику работы отделения гуманитарных наук, возглавляемого в ту пору С.Ф. Платоновым. В частности, свое несогласие с Покровским высказали Рязанов и Бухарин, на их стороне оказался и только что избранный вице-президентом Г.М. Кржижановский. Но инициативу Покровского поддержали И.В. Сталин и В.М. Молотов, в силу чего Политбюро приняло решение не создавать в Академии наук гуманитарных институтов. Зато в 1929 г. в состав Коммунистической академии были переданы учреждения Российской ассоциации научно-исследовательских институтов, и на их основе создан Институт истории, занимавшийся разработкой проблем истории

капитализма, революционного движения, истории Октября и советского общества.

Одной из ярких страниц истории русской гуманитарной культуры стали открывшиеся осенью 1918 г. в Петрограде и Москве Архивные курсы. Состав лекторов и тематика лекций отражали главную идею - изучать и понимать архивные документы как составную часть мировой культуры. Заметна была и традиционная для русской исторической науки взаимосвязь истории и права, проявляющаяся во внимании к правовым источникам. Среди лекторов в Петрограде следует отметить М.А Дьяконова и А.С. Лаппо-Данилевского, чьи лекции по дипломатике частного акта составили вышедшую в 1920 г. книгу. На Московских архивных курсах особое внимание уделялось памятникам русского права (А.Н. Филиппов и П.А. Беляев), повествовательным источникам (С.В. Бахрушин), актам и дипломатике (Е.А. Косминский, Н.А. Ардашев и Н.П. Лихачев), палеографии (А.И. Соболевский) и нумизматике (А.В. Орешников).

В Петрограде в 1919 г. была создана Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК), а в 1921 г. Москве учрежден подчиненный Наркомпросу Институт истории, в 1923 г. Объединившийся с аналогичными институтами в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук. При этом именно в рамках ассоциации остро проявилась проблема взаимоотношений специалистов марксистского и немарксистского направлений. Вскоре после торжественного заседания Института истории РАНИИОН, посвященного 10-летию революции, в газете «Вечерняя Москва» было опубликовано письмо аспирантов РАНИИОН о том, что в Институте истории наблюдается засилье представителей «старой» историографии. Тем самым судьба Института и РАНИИОН в целом была предрешена.

Методологические искания. Обращает на себя внимание широтой замысла и составом научных сил начатая в 1920 г. Издательская серия под общим названием «Введение в историю». Инициаторы издания - С.А.

Жебелев, Л.П. Карсавин и М.Д. Приселков - считали, что для тех, кто хотел бы серьезно заняться историей, необходим цельный научный труд, передающий методы и дух исторического познания. «Введение в историю» открыла книга Л.П. Карсавина «Теория истории» (1920 г.), посвященная проблеме исторического метода. «Теория истории» поднимала фундаментальные вопросы методологии истории: что такое история? Каковы ее цели и методы изучения исторического материала? Автор особо подчеркивал важность возрождения в общественной среде «чувства ценности документа». К сожалению, как и положения другой книги автора – «Философия истории» (1922 г.), – многие идеи Карсавина оказались востребованными в отечественной историографии только в конце XX столетия. Историк и религиозный философ отвергал противопоставление индивидуализирующего и генерализирующего подходов к изучению истории человечества, всякую индивидуальность воспринимая как выражение определенной целостности. Карсавин полагал, что идея прогресса не учитывает противоречивости процесса развития и тем самым обесценивает историю. Предметом истории он считал человечество в его социальном развитии, в едином и непрерывном процессе.

А.Е. Пресняков, в свою очередь, призвал увидеть в источнике явление культуры, оценивать его знаковую и материальную составляющие. Определение источника как явления культуры в методологии источниковедения данного направления важно еще и тем, что предполагало единый, интегрированный подход к материальной и духовной сторонам источника. Свое развитие этот подход нашел и в работах И.М. Гревса, одной из главных идей которого стало комплексное восприятие двух граней культуры: материальной и духовной в единой психологической интерпретации. Ученый считал, что для культурного образования личности важно восприятие произведения в его естественном окружении, в природе. В 1920-х гг. Гревс развил свою идею в книге «Экскурсии в культуру»,

применяя для данного способа познания произведений культуры особый термин «психология путешественности».

Тогда же вышла книга «Очерки дипломатики частных актов», в которой А.С. Лаппо-Данилевский на конкретном материале источниковедения частных актов реализовал теоретические понятия источника как явления культуры своего времени, показал пути применения к данному виду источников методов научной критики, совершенно по-новому сформулировал принцип не только анализа, но и синтеза в исследовании источника. Важным событием стало и переиздание в 1923 г. «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. В этой работе ученый, подчеркивая роль субъекта в процессе познания, роль воззрений и ценностных установок, отстаивал синтезирующий характер исторического знания. Впрочем, главный, второй том, посвященный методологии источниковедения, так и не был издан.

Едва ли не первый опыт осмысления новой послереволюционной реальности, и, соответственно, места и задач исторической науки принадлежит Р.Ю. Випперу, который представил кризис западной культуры как следствие ломки привычного порядка вещей. Суть радикального пересмотра всей системы исторических представлений Виппер усматривал в переосмыслении самого предмета истории: место истории состояний должна занять история событий, личностей и идей. Признавая недостаточность в отдельности материалистического и идеалистического подходов, ученый, тем не менее, считал, что именно последний подход отвечает потребностям новой эпохи.

Несмотря на методологические поиски ряда историков, в создавшихся условиях значительные усилия представителей «старой» школы были направлены на просветительские цели, на сохранение памятников истории и культуры. Важно подчеркнуть, однако, что нарочитая узость тематики и отказ от обобщений и выводов отнюдь не были следствием позитивистского желания «обрабатывать свой участок». Просто постреволюционное общество

порождало особые условия функционирования науки и деятельности ученых, препятствуя свободному обмену информацией, необходимому для развития сравнительных исследований в гуманитарной сфере.

Опыт сотрудничества с Советской властью. Дореволюционные научные кадры сделали очень много для официального признания советской исторической науки за рубежом, не говоря уже об их участии в создании отраслевых центров, подготовке кадров будущих советских историков, спасении для науки многих ценнейших документальных источников и т.д. Именно они олицетворяли собой национальную историческую науку и фактически сохранили линию преемственности в развитии российской и советской исторической науки. Не случайно именно историков старой школы приглашали в 1920-1930-х гг. европейские академии наук, университеты и научные общества для чтения лекций, для работы в архивах и участия в отраслевых международных и национальных научных форумах.

Именно в 1920-х гг. мы фиксируем наличие трех форм сосуществования научно-исторических учреждений: 1) остатков старой дореволюционной структуры или созданных по инициативе и при участии «старых» историков; 2) новых, инспирированных государственной политикой; 3) неформальных объединений ученых. В дальнейшем, в начале 1930-х происходит окончательное поглощение и встраивание в систему государственных органов немарксистских заведений, более строгая унификация уже имевшихся и исчезновение неформального сектора историко-научного сообщества.

В апреле 1918 г. Секретарь СНК Н.Г. Горбунов, посетив секретаря Академии наук России С.Ф. Ольденбурга, сообщил ему о намерении советского правительства оказать помощь Академии в организации экспедиций и издании наиболее ценных документов. В то время новая власть еще поддерживала и археологические исследования, и архивоведение. Но вскоре грянули первые раскаты революционного грома. В течение 1918 г. новая власть закрывала исторические журналы, многие из которых имели

долгое и славное прошлое. Так, в частности, канули в лету «Русская старина» и «Чтения в обществе истории и древностей».

Видный историк дореволюционной школы С.Ф. Платонов был назначен ректором преобразованного петроградского Археологического института, которому были приданы функции высшего учебного заведения в целях подготовки археологов и археографов. Психологически сотрудничество Платонова с советской властью было облегчено тем, что делегированный университетом в комиссию по охране и устройству архивов упраздненных учреждений, он нашел общий язык с ее председателем Д.Б. Рязановым. Влиятельное положение в академической среде Петрограда, предопределяемое не только научным авторитетом, но и должностным статусом, было обретено Платоновым только в советский период. В частности, он возглавлял управление архивов Петрограда (с 1918 г. по 1923 г. Заведовал Петроградским отделением Главархива), был профессором Архивных курсов, директором Археологического института (до 1923 г.), председателем Археографической комиссии. С 1925 по 1928 гг. Он возглавлял Пушкинский Дом, библиотеку Академии наук, а с 1926 г., когда Археографическая комиссия слилась с Постоянной исторической Комиссией, возглавил новую организацию – Постоянную историко-археографическую комиссию (ПИАК). С марта по ноябрь 1929 г. был избран академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук и членом Президиума Академии наук.

Для многих интеллигентов России первых послереволюционных лет - и в обеих столицах, и в провинции – было характерно стремление сохранить отечественное культурное наследие и приобщить к нему как можно большее количество людей, дабы не прерывалась связь времен. Было образовано множество новых музеев, архивов, библиотек, просветительско-экскурсионных станций и общественных объединений. В частности, петроградские архивисты не только сумели спасти от уничтожения ценнейшие архивные материалы, но и участвовали в подготовке декрета об

архивах, в выработке правил описания и публикации памятников письменности.

Но в апреле 1929 г. на пленуме Комкадемии Покровский заявил, что «необходимо положить конец существующему еще в некоторых научных областях мирному сотрудничеству марксистов с учеными, далекими от марксизма или даже вредными марксизму», и «начать решительное наступление на всех фронтах научной работы, создавая свою собственную марксистскую науку».

«Академическое дело». В целях замены старых специалистов по прямому указанию Политбюро в недрах ОГПУ было сфабриковано так называемое «Академическое дело», ставшее продолжением той борьбы, которую повела партия руками Покровского и его соратников против крупнейших русских ученых. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) о привлечении к суду группы историков – членов Академии наук СССР было принято в ноябре 1929 г. причиной перехода конфликта в острую фазу стали претензии историко-партийного направления на монополию. Неудавшаяся марксизация Академии наук на протяжении всех 1920-х годов, неуступчивость академиков, их приверженность старым идеалам научности и академизма, требовали реванша.

По сценарию этого дела Платонову отводились роли и руководителя контрреволюционной организации, якобы намеренной восстановить в России монархию, и предполагаемого главы правительства, которое будет образовано после переворота. Первоначально процесс над членами мифического «Всенародного союза борьбы за освобождение России» предполагалось сделать гласным, но в дальнейшем приговор по «Академическому делу» выносился во внесудебном порядке. В общей сложности по делу проходило 115 человек. К 10 годам заключения были приговорены М.Д. Приселков, А.И. Заозерский, С.И. Тхоржевский, В.А. Бутенко, С.К. Богоявленский, Г.С. Габаев и др. Как ни парадоксально, самые мягкие приговоры были вынесены непосредственным руководителям и

организаторам «заговора». Решением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. С.Ф. Платонов был сослан в ссылку в Самару (где в 10 января 1933 г. умер от сердечного приступа), Е.В. Тарле - в Алма-Ату, Н.Л. Лихачев - в Астрахань, М.К. Любавский - в Уфу, С.В. Рождественский - в Томск, Ю.В. Готье в Самару, Д.Н. Егоров - в Ташкент, С.В. Бахрушин - в Семипалатинск, А.И. Яковлев - в Минусинск, А.И. Андреев - в Енисейск. Несмотря на относительно «мягкие» последствия, основная часть «старой» профессуры была психологически и просто физически, надломлена. Арест большинства представителей «старой исторической науки» привел к подавлению остатков научной свободы в учреждениях Академии наук и захвату основных позиций представителями историко-партийного направления.

Конец 1920-х гг., таким образом, характеризовался значительным ухудшением внешних условий существования отечественной исторической науки. С одной стороны, это было связано, прежде всего, с подвижками в партийной политике и идеологии, с другой - с инспирированной историко-партийным направлением травлей историков «старой школы». В результате массового разгрома немарксистского историописания целые тематические и методологические пласты, бывшие важным достоянием русской дореволюционной историографии, активно вымывались и исчезали.

12.3. Историческая наука Русского Зарубежья

Отечественная историография впервые обратилась к истории российской исторической науки за рубежом в 1990-е годы. Итогом изучения стало признание того, что в результате революции российская историческая наука разделилась на два направления, пути которых все больше расходились. Советская историография, оттолкнувшись от дореволюционной базы, взяла на вооружение марксистскую методологию, а эмигрантские историки, продолжив традиции «старой» школы, приобщались к достижениям мировой исторической науки. Но при этом ученые первого поколения, как правило, считали себя россиянами. Более того, на протяжении

1920-х годов международным научным сообществом признавалась только дореволюционная историческая школа, представленная, прежде всего, историками-эмигрантами. Господствовавший в СССР марксистский метод исторического исследования утвердил свои позиции на мировом уровне лишь в самом конце десятилетия.

Именно тогда на международных форумах российскую историческую науку стали представлять советские историки, а историки-эмигранты – «страны проживания». Официальное приглашение на V международный конгресс историков (апрель 1923 г.) Получил Союз русских академических организаций, созданный учеными-эмигрантами в 1921 г. Его представляла делегация в составе известных российских историков - Е.Ф. Шмурло, П.Г. Виноградова, М.И. Ростовцева и П.Б. Струве. Но уже на VI международном конгрессе историков, состоявшемся в августе 1928 г. в Осло, председатель конгресса и Международного комитета исторических наук Х. Кут по настоянию советской делегации официально объявил, что эмигранты-историки могут участвовать в конгрессах только в составе делегаций тех стран, в которых они проживают.

Интеллектуальный исход. Количество научных работников, покинувших Россию после 1917 г. или начавших свою деятельность уже за рубежом, точно подсчитать не представляется возможным. Наибольшее число покинувших Россию дали Харьковский и Новороссийский университеты, затем следовали Московский и Санкт-Петербургский и на последнем месте был Казанский университет. Чаще других Россию по собственной инициативе оставляли представители естественных и точных наук. Тогда как представители гуманитарного знания (включая историков) в 1922 г. были принудительно высланы за границу на печально знаменитом «философском пароходе». В итоге в эмиграции оказались несколько десятков историков (по некоторым данным свыше 90), часть из которых составили исследователи, начавшие заниматься историей только за рубежом.

Центры русской исторической науки за рубежом. В начале 1920-х годов в целом ряде стран Европы была создана устойчивая система русских научных и учебных организаций, особое место в которой принадлежало Праге. Созданные в 1918-1920 гг. в разных странах академические группы также превратились в крупные европейские научные центры, объединившиеся в Союз Академических организаций, целью которого была не только материальная поддержка ученых-эмигрантов, но распространение знаний о русской науке и культуре.

Центры эмигрантской исторической науки возникли в Праге, Париже, Белграде и ряде других городов Европы, Азии и Америки. Благодаря поддержке правительства Т. Масарика в Праге с 1921 г. Создавались русские научные учреждения – Институт имени Н.П. Кондакова, Русское историческое общество, Русский народный университет, Русский институт в Праге, Русский юридический факультет, Русский исторический факультет и другие. Наиболее полно в Праге были представлены историки, занимающиеся русской историей – историей российской государственности, русского народа и культуры. Следующую группу составили специалисты по истории искусств и археологии. Третья группа изучала славяноведение, а четвертая специализировалась по проблемам всеобщей истории.

Одним из наиболее известных и представительных учреждений стало Русское историческое общество в Праге (1925-1944 гг.), созданное по инициативе старейшего русского историка Е.Ф. Шмурло, ставшего его первым председателем. РИО входило в конфедерацию историков Восточной Европы и принимало активное участие в международных конференциях. Общество вело активную публикаторскую деятельность. Благодаря материальной поддержке чехословацкого правительства, в 1927 г. увидел свет первый том «Записок Русского исторического общества».

К числу весьма плодотворных эмигрантских научных организаций относился известный во всем мире своими трудами Семинар (с 1931 г. Институт) имени Н.П. Кондакова по истории русского и византийского

искусства и археологии, выпустивший в Праге в 1925-1939 гг. 11 томов своих сборников. Ученики и почитатели археолога и искусствоведа академика Кондакова в 1932 году устроили в Праге выставку древнерусских икон. Издавался и специальный сборник «Seminarium Kondakovianum».

Кроме того, историки-эмигранты активно сотрудничали с Русским свободным университетом в Праге, который организовывал общедоступные лекции в разных городах ЧСР, и Русским славяноведческим институтом (1922-1938 гг.), ставившим своей целью распространение в Чехословакии сведений о России и русской культуре. Аграрным проблемам посвящались «Записки института изучения России», также издаваемые в Праге.

Однако многие ученые-эмигранты, жившие преимущественно в Англии, Бельгии, Румынии, Латвии, Литве, Эстонии и ряде других стран, не были организационно связаны с эмигрантскими научными центрами. Им не удалось образовать единого центра исторических исследований, вокруг которого сгруппировались бы значительные исторические научные силы. Только в 1927 г. в Варшаве была образована Федерация исторических обществ Восточной Европы и славянских стран. Отчасти отсутствие такого центра компенсировалось широким обменом между историками научной литературой, информацией об исторических исследованиях и архивных фондах. Объединительную роль сыграли учебные учреждения Русского Зарубежья. Именно здесь черпались резервы роста российской исторической науки в эмиграции. Так, в начале 1924 г. в 12-ти западноевропейских государствах сложилась целая сеть русских учебных заведений: 47 низших 43 средних и 8 высших школ более чем с 11 тыс. учеников.

Исторические архивы и музеи. Правительство Чехословакии поддержало и создание российским зарубежьем собственного архива. Особую роль в сохранении документов по истории революции, гражданской войны и эмиграции сыграл Русский заграничный исторический архив (РЗИА), образованный постановлением комитета Земгора в феврале 1923 г. и финансируемый МИД Чехословакии. Многие газеты и журналы

эмигрантских организаций включили архив в список учреждений, которым высылались обязательные экземпляры издаваемых материалов. Эффективную работу вели постоянные корреспонденты и представители архива в 44 странах Европы, Азии, Африки и Америки, где проживали эмигранты из России. Первому управляющему архивом В.Я. Гуревичу удалось привлечь в Совет ряд членов Академического союза во главе с А.А. Кизеветтером. РЗИА удалось собрать почти полную коллекцию книг и брошюр по вопросам политики, идеологии и быта российской эмиграции, сосредоточить газеты и журналы с 1918 г., включая значительную долю материалов, выходящих на территории России. С 1929 г. началась издательская деятельность архива, а в 1931 г. архив приступил к собиранию документов писателей и литературных объединений.

Одним из самых слабо изученных аспектов культурной деятельности российских эмигрантов является создание и хранение музейных собраний. Сохранились сведения о численности эмигрантских музейных собраний, существовавших в 1920-1930-е гг. - по всему миру их было около 40. Наиболее известным из них был Русский культурно-исторический музей в окрестностях Праги.

Проблематика исследований. Как уже отмечалось, в эмиграции оказались неравномерно представлены отдельные исторические дисциплины. В частности, на второй план отошла история России в силу недоступности архивных и библиотечных материалов. Более перспективным являлось изучение славянской тематики и проблем истории Византии и Западной Европы.

В свою очередь, исследования по истории России во многом стимулировались стремлением переосмыслить исторический путь России, найти истоки революции и оправдание эмиграции. В отдельную группу можно выделить специальные работы и мемуары по истории российской революции и гражданской войны и, прежде всего, «Историю русской революции» П.Н. Милюкова, «Очерки русской смуты» А.И. Деникина,

«Красный террор» С.П. Мельгунова, а также многотомный «Архив русской революции» под редакцией И.С. Гессена.

Общих курсов по русской истории учеными первой эмигрантской волны было создано немного. При этом преимущественное право для публикации получали работы, написанные на иностранных языках. Так, на английском языке издали курсы истории Д.П. Святополк-Мирский (Лондон, 1927) и М.Т. Флоринский (Мэдисон, 1940), по-итальянски - академик Е.Ф. Шмурло (Рим, 1928, 1929, 1930 - в 3-х тт.), на французском - Н. Брянчанинов (Париж, 1929). В 1932-1933 гг. В Париже вышел на французском языке (позднее и на английском) трехтомник по русской истории под редакцией П.Н. Милюкова.

По всеобщей и российской истории были написаны не только специальные труды, но и учебники, основывавшиеся на различных методологических подходах и исследовательских принципах. Но их отличал более широкий взгляд на ход истории. Если советские историки главный акцент делали на формационной эволюции общества и классовой борьбе, то наши соотечественники за рубежом ведущее место уделяли духовной жизни и роли личности. Так, в Белграде, где существовала широкая сеть русских школ, в 1927 г. вышел «Учебник русской истории» Л.М. Сухотина, удачно сочетавший описание общественного строя и хозяйственного быта с характеристикой царей и выдающихся личностей российской истории. Примером университетского учебника может служить «Введение в российскую историю» Е.Ф. Шмурло, изданное в Праге в 1924 г. курс лекций преследовал двойную цель: дать понятие об истории и выделить главные этапы российской истории, духовные и материальные факторы, определившие направление развития и творчества русского народа. По мнению историка, через всю историю русского народа проходит основная черта - вынужденное сидение между европейским Западом и азиатским Востоком. Если европейский тип развития, по Шмурло, Россия создавала и развивала сознательно, то азиатская история России – вынужденная и

навязанная. Русскую колонизацию Шмурло рассматривал как победу европейской цивилизации над азиатским Востоком и заключал свою работу выводом о том, что неправильно противопоставлять Россию Европе, с которой она составляет единое целое и по территории, и по происхождению населяющей ее народности, и по культуре.

Основное внимание в трудах, посвященных истории России, уделялось допетровской эпохе. И если до революции линией «водораздела» между историками было отношение к петровским реформам, то за рубежом таким критерием, разделяющим исследователей, стала проблема влияния норманнов на первый период истории Руси. Однако эмигрантские труды в определенной степени дополняли тематику исследований советских историков. Прежде всего, это касалось тем, ставших запретными на Родине, прежде всего, истории церкви и религиозной культуры.

«Смена вех». Это общественно-политическое движение получило свое название по сборнику «Смена вех», вышедшему в Париже в июле 1921 г., и одноименному журналу, издававшемуся в Париже в 1921-1922 гг.

Основателем идеологии сменовеховства стал обосновавшийся после разгрома Колчака в Харбине выпускник юридического факультета Московского университета Н.В. Устрялов, чьи идеи, изложенные в книге «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920), нашли отклик в целом слое эмигрантской интеллигенции. Программным для нового движения, как уже отмечалось, стал сборник «Смена вех», авторы которого (Ю.В. Ключников, С.С. Лукьянов, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Чахотин и Ю.Н. Потехин) по партийной принадлежности были преимущественно кадетами. Признав прогрессивную роль революции, сменовеховцы пошли дальше, утверждая, что советская общественно-политическая система в том виде, в котором она оформилась в России к началу 1920-х годов, имеет глубокие национальные корни и достаточно широкую национальную базу. Конечно, столь крутой поворот объяснялся уверенностью, что большевистский режим, объявивший нэп, переходит на русские национальные рельсы. Понятно, что идеи

сменовеховцев вызвали самый широкий резонанс, как в эмиграции, так и в России. Но уже ко второй половине 1920-х годов сменовеховское движение затухает. Устрялов в 1935 г. получил советское гражданство и вернулся в СССР, а в 1937 г. был арестован и расстрелян.

«Евразийский соблазн». Иногда евразийство называют формой сменовеховства. Действительно, их сближало понимание большевистского режима как власти, способствовавшей сохранению Российского государства, критика механизмов европейской демократии, а также вывод о связи коммунистической идеологии с господствовавшим до революции умонастроением российской интеллигенции. Однако евразийство было намного глубже и охватывало все сферы гуманитарного знания. «Отцом» евразийства считается языковед и философ князь Н.С. Трубецкой. В вышедшей в Софии в 1920 г. книге «Европа и человечество» автор выступил против европеизации или, точнее, романо-германизации России. Трубецкой исповедовал принцип равноценности всех культур и народов, отвергая с этих позиций одностороннее насаждение чужой культуры. Считая, что Россия больше принадлежит Востоку, нежели Западу, в работе «Наследие Чингисхана» (1925 г.) он заявил о неправильности признания России «продолжением Киевской Руси». Первым евразийским образованием, откуда вышло русское государство, стала монгольская держава Чингисхана. После распада империи Москва продолжила ее евразийскую политику, опираясь на традиции православного византизма, но преобразования Петра I все нарушили, нанеся урон делу евразийской консолидации.

Идеи Трубецкого нашли отклик среди таких эмигрантских деятелей, как экономист, географ и философ П.Н. Савицкий, философ, литературный критик и музыковед П.П. Сувчинский, философ и историк Г.В. Вернадский, религиозный философ и историк Г.В. Флоровский, от увлечения евразийством перешедший к его критике, философ и правовед А.Н. Алексеев. В 1923 г. было создано собственное «Евразийское книгоиздательство». С осени 1926 г. в Париже открылся евразийский семинар, а евразийские группы

образовались в Праге, Париже, Брюсселе, Белграде, Лондоне, в ряде городов Германии и Польши.

Происхождение понятия «евразийство» один из основоположников течения П.Н. Савицкий объяснял географическим фактором. В массиве земель Старого Света выделялся срединный материк – «Евразия», на пространстве которого разворачивалась вся история России. Россия-Евразия есть обособленное целостное «месторазвитие». Этим ключевым в евразийской теории понятием Савицкий обозначил социально-политическую среду, рассматриваемую неотрывно от ее территории. Смыкая понятие «месторазвитие» с понятием культурно-исторического типа, евразийцы к десяти самобытным цивилизациям Н.Я. Данилевского добавили евразийский культурно-исторический тип.

Кроме того, история России рассматривалась как история рождения, становления и развития Русской Православной Церкви, которая оценивалась как высшая форма бытия евразийско-русской культуры. Этнологическим типом Евразии являются евразийцы, первенствующее значение среди которых принадлежит русскому народу. Но чтобы осознать себя русскими, подчеркивали идеологи евразийства, необходимо осознать себя евразийцами. Евразийцы приходили к выводу, что оптимальной формой существования человечества является этническая пестрота и многообразие культур. В связи с этим они активно выступали против общечеловеческой культуры, защищая сохранение национальной самобытности. Вместе с тем, культурное единство «многонациональной личности» евразийцев основывается на их географической и этнографической целостности. Возрожденная Россия-Евразия виделась им надклассовым государством, которое не зависит от поддержки того или иного общественного класса, и чья сущность определяется исключительно «исповеданием евразийской идеи».

Свой взгляд на российскую историю изложил Г.В. Вернадский в книге «Начертание русской истории» (Прага, 1927). Русский народ получил, по словам историка, два богатых исторических наследства - монгольское

(евразийское государство) и византийское (православная государственность). Оба эти начала тесно слились между собой в историческом развитии русского народа. Монгольское наследство обеспечило создание плоти евразийского государства, а византийское вооружило русский народ нужным для создания мировой державы строем идей. Устойчивой евразийской формой государства и власти стала военная империя.

Младороссы. В борьбе за влияние на российскую эмигрантскую молодежь евразийство конкурировало с более напористой, но менее притязательной идеологией, носителями которой стали младороссы. Политические искания и попытки оригинального идейного творчества молодого эмигрантского поколения привели к признанию, что Россия, лишаясь монархической государственности, сходит с национального исторического пути. Именно на этой основе в 1923 г. И возник «Российский союз монархической молодежи» (или «Молодая Россия») во главе с А.Л. Казем-Беком (в 1925 г. Переименованный в «Союз младороссов») очень популярный в начале 1930-х гг. в эмигрантской молодежной среде.

Монархические убеждения младороссов (по их мнению, в российских условиях «всякая республика окажется беременной своими Железняковыми») тесно связаны с их взглядами на историю нации, эволюцию которой они рассматривали как единый и органический процесс. Нормальное и плодотворное развитие нации обуславливается, по их мнению, исторической преемственностью. В свою очередь, историческую преемственность младороссы видели, прежде всего, в преемственности верховной власти, которая создавалась веками русской истории для служения национальной идее. Такой властью, с точки зрения младороссов, могла бы стать только наследственная монархия, которой, по мнению Казем-Бека, присущи надсословность и надпартийность, что необходимо для активного и плодотворного посредничества между различными социальными слоями и народами. Младороссы утверждали, что монархии свойственно творчество,

поэтому после революции именно она должна явиться наиболее передовой властью, преодолевшей реставрационные тенденции.

Таким образом, двадцатые годы стали важным рубежом в развитии российской исторической науки, как в стране, так и за ее пределами. Однако, очевидна разнонаправленность процессов актуализации исторического знания. Так в Советской России расширение историографического поля в одном направлении сопровождалось его сужением за счет ряда направлений исследований. Что касается принципов исторических исследований, то в их основу легли ленинские идеи из его «Философских тетрадей». Обсуждения сводилось к тому, сколько принципов необходимо активизировать для того, чтобы претендовать на истинно марксистское исследование. При этом наиболее значимыми признавались принципы историзма, партийности и объективности. В результате организационной перестройки исторической науки в конце 1920-х – начале 1930-х гг. были заложены основы системы научно-исследовательских учреждений и центров подготовки научных и преподавательских кадров, сохранившейся в советский период без особых изменений.

Тогда как историческая мысль Русского Зарубежья продолжала свое поступательное движение. В этом потоке переплетались всевозможные направления и школы, не только полемизирующие друг с другом, но и спокойно уживающиеся в этой разноголосице взглядов и мнений. Отрезанные от отечественных архивов и библиотек, они сумели не только сохранить, но и приумножить российское историческое наследие.